

Глава 40

Когда сингл «Ей в этом году шестнадцать» пробился в тройку лидеров хит-парада, на Ланса обрушилось колоссальное давление. Эйбел донимал его звонками каждый божий день, требуя ловить момент. Нужно было кровь из носу написать новые песни, пока сингл держался на вершине, чтобы поскорее выпустить полноценную пластинку.

Опыт подсказывал менеджеру: если сингл в первой десятке, у альбома есть все шансы разойтись огромным тиражом. А уж если повезет взлететь на первую строчку, продажи взлетят до небес.

Вот только где взять столько хороших песен на целую пластинку?

Ланс, конечно, грешил самонадеянностью, но не настолько, чтобы верить, будто любой его набросок мгновенно станет хитом.

Зато остальные верили в него безоговорочно. Они видели в нем конвейер по производству шлягеров: нажми кнопку — и он, словно печатный станок, выдаст готовые тексты и партитуры на чистых листах.

Премного благодарен за доверие!

К тому времени рок-группа «Планета» уже съехала из отеля в двухэтажную квартиру, которую им сняла компания. У Ланса наконец появился собственный угол.

В тот же день он заперся у себя, сел за стол и принялся сверлить взглядом чистые листы бумаги. В голове крутилась глупая, навязчивая мысль:

«Как я докатился до жизни такой? Я ведь гитарист. Сочинял стихи и музыку просто так, от нечего делать. Почему теперь вся группа ждет песен только от меня, словно это моя священная обязанность?»

Ответа не было.

Но чем больше он размышлял об этом, тем хуже продвигалась работа. Мешала проклятая рефлексия.

Вдохновение — штука капризная. Когда оно есть, ты можешь набросать гениальный мотив хоть косметическим карандашом на салфетке. А когда уходит — сиди перед пачкой дорогой бумаги сколько угодно, ничего не родится.

Он взял гитару и лениво провел по струнам, пытаясь нащупать нужный лад. Но удача, похоже, окончательно отвернулась от него: пальцы соскользнули, и одна из струн с сухим треском лопнула.

Черт бы все побрал!

Ланс в сердцах отшвырнул инструмент. Настроение испортилось окончательно.

Он спустился вниз в надежде сменить обстановку и посмотреть, чем заняты остальные. Однако внизу царил мертвая тишина — в доме не было ни души.

Бог весть, какие демоны терзали его в ту минуту. Но человек устроен странно: порой достаточно секунды, чтобы сорвать предохранители.

Когда Джимми и остальные вернулись с прогулки, их встретила картина полного разгрома. Посреди этого хаоса с каменным лицом стоял Ланс. Он меланхолично прикуривал сигарету, едва заметно склонив голову над огоньком зажигалки.

Да, в гостиной царил настоящий погром.

Этот придурок разнес все, до чего смог дотянуться: телевизор, холодильник, журнальный столик, окна, шкафы, чашки, тарелки...

— Твою мать... — выдохнул ошеломленный Болдуин, потеряв дар речи.

Тео и вовсе схватился за голову:

— Господи, Ланс! Какого хера ты тут утворил?!

Джеймс тоже опешил, глядя на это побоище, но отреагировал иначе:

— Выпускал пар?

Ланс молча мазнул по нему взглядом.

Джеймс подошел ближе, бесцеремонно приобнял его за плечи и с усмешкой спросил:

— Ну что, полегчало?

Пока Тео метал громы и молнии, вопя что-то вроде: «Ты еще спрашиваешь, полегчало ли ему?!»

Да он нам весь дом разнес, а ты перед ним стелешься!», Ланс выдавил подобие кривой ухмылки:

— Жить можно.

Вряд ли кто-то нормальный мог понять логику «не идет песня — разнеси квартиру». К тому же раздолбать столько мебели — чисто физически тяжелый труд. Но Ланс не собирался ничего объяснять.

С тех пор его просто боялись оставлять одного.

Что касается угробленного съемного жилья, то приличного оправдания для хозяина ни у кого не нашлось, да и раскошелиться на ремонт парням не хотелось. Свободных денег у них по-прежнему не водилось.

Они стремительно набирали популярность, дела шли в гору, но в британской музыкальной индустрии тех лет действовали драконовские правила. Роялти от продажи пластинок выплачивались лишь спустя двенадцать месяцев после релиза, а если диски продавались за рубежом, ждать приходилось еще дольше. Бухгалтерия могла сколько угодно заливать им в уши басни про растущие активы, но живых денег музыканты в глаза не видели.

Поэтому они единогласно решили прикинуться шлангами, дожидаться Эйбела и свалить весь погром на него.

Сам же Эйбел сейчас вовсю крутился, пытаясь повернуть куда более важную сделку. Через третьи руки он пробивал для «Планеты» место в грандиозном общенациональном турне. Масштаб гастролей поражал воображение: в списке участников значились мастодонты вроде Лоуренса Мэнли, «британская милашка» Джоанна, группы «Пляжные парни», «Сёстры Роза» и другие величины. Попасть в такую обойму означало совершить колоссальный рывок — и в плане связей, и в плане популярности.

Но организаторы турне не спешили с ответом. Менеджеру было просто не до бытовых проблем своих подопечных.

К счастью, к Лансу вернулась муза, и маниакальное желание крушить мебель временно утихло. Он заперся в комнате, строча как сумасшедший, и прихватил с собой Джеймса.

Особой помощи от вокалиста не требовалось. Джеймс просто уныло сидел рядом и послушно напевал строчки, когда Ланс просил его об этом. У Джимми даже закралось смутное подозрение, что его здесь держат на правах запасной гитары.

И все же творчество — процесс интимный, завязанный на тонких эмоциях. Обнажить перед кем-то душу в момент созидания — высший акт доверия. И хотя Джеймс тогда еще не испытывал особого рвения к написанию песен, он без лишних слов согласился составить компанию.

Целую неделю они безвылазно торчали в комнате, шлифуя аккорды и перебирая рифмы.

Все шло как раньше. Как Ланс и предполагал, в четыре руки дело спорилось куда быстрее.

Спустя три-четыре дня изнурительной работы у них набралось достаточно материала: старые черновики Ланса, свежие наброски и парочка проверенных временем каверов. Этого вполне хватало на полноценную пластинку.

Джеймс обессиленно рухнул на кровать.

— Какая же это тягомотина, — простонал он в подушку. — Давай ты дальше сам, без меня.

Ланс пропустил его нытье мимо ушей. Он уже окончательно убедился, что его белокурый вокалист — идеальный соавтор. Стоило им сесть за работу, как рождалась какая-то необъяснимая химия: они понимали друг друга с полуслова и дополняли сильные стороны друг друга.

Впервые он осознал это во время того самого памятного живого исполнения «Ей в этом году шестнадцать».

Все басни Ланса о том, что он начисто забыл ту пьяную ночь, были чистой воды враньем.

Он до мельчайших подробностей помнил ощущение тяжести чужого тела, прильнувшего к нему. Их общее дыхание, бешеный стук сердец, жар, исходивший от Джимми, и этот невероятный голос, словно поцелованный самим Богом.

Тогда, одурманенный алкоголем, Ланс потерял контроль и выдал агрессивный, срывающийся на крик гитарный напор, способный в одночасье похоронить всю композицию. Такая экспрессия требует равного соперника, способного принять вызов и отразить удар, иначе весь драйв превратится в монотонное избиение.

Но случилось чудо: коса нашла на камень.

Джеймс мгновенно уловил этот враждебный, хищный напор. Не раздумывая ни секунды, он подхватил безумную волну, отбросив легковесный свист. Вместо этого он запел — сорвался на тот первобытный хрип, который утонченная публика могла счесть вульгарным, но который стал единственным верным ответом на неистовство гитарных струн. Вместе они сотворили бурю: шквал эмоций, взлетов и падений.

Именно импровизация Джимми спасла выступление, превратив их дуэль в идеальный, паритетный бой.

Это пьянящее чувство равной борьбы врезалось в память так глубоко, что позже Ланс вывел в своем потрепанном блокноте:

* «Я никогда не встречал никого, кто был бы похож на него»*.

Теперь, когда песен хватало, их нужно было отсортировать и выстроить в цельную концептуальную линию. Это предстояло решать уже на студии вместе с саунд-продюсером.

В этот момент их настигла очередная оглушительная новость.

Благодаря успеху «Ей в этом году шестнадцать» группу «Планета» пригласили на «Вершину популярности» — Top of the Pops!

Главное музыкальное телешоу Великобритании, мечта любого начинающего артиста.

— Я с детства грезил об этой сцене, — восторженно твердили Болдуин и Тео.

Однако за кулисами их ждало горькое разочарование. Накануне эфира выяснилось, что живого звука на передаче нет и в помине. Все выступали исключительно под фонограмму.

Для парней, выросших на этой передаче, правда оказалась сокрушительным ударом. Это было так же жестоко, как заявить ребенку, что Санта-Клауса не существует.

Даже вечно невозмутимый Ланс выглядел так, словно у него только что украли детство:

— Как... совсем без живого звука?

<http://bllate.org/book/19389/1999619>